сохранения хозяйства», корма для него «в количестве, необходимом до сбора новых кормов», не снятый урожай, паевый взносы в кооперативы, страховое возмещение по обязательному страхованию.
48. ГАОО. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 10. Л. 26.
49. ГАОО. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 10. Л. 93.
50. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 317.
51. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 135.
52. ГАОО. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 10. Л. 117.
53. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 75. Л. 33.
54. Очерки экономических реформ…С.214.
55. Никольский С.А. Указ. соч. С. 181.
56. Там же. С. 169.
57. Залесский М.Я. Указ. соч. С. 106.
58. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 71.
59. Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти. Оренбург, 2004. С. 446-450.

Павлова О.В.
(Екатеринбург)

Беспризорность на Урале в 1919 – 1925 гг.

В 1990-е – начале 2000-х гг. одной из наиболее актуальных проблем общества стала детская беспризорность, приобретающая значительные размеры. Дети скапливаются на вокзалах, рынках, вблизи столовых и продуктовых магазинов. Попрошайничество и воровство стали способом их выживания. Однако, эта проблема не новая. В начале 1920-х годов когда советское правительство столкнулось с ней, беспризорность стала массовым явлением. Эти годы, годы сильнейших социальных потрясений, вызвали появление мощной волны беспризорных детей, которые двигались в различных направлениях по стране, скапливались в крупных промышленных центрах, на узловых железнодорожных станциях. Одним из мест, где численность беспризорных детей достигла критического максимума, стал Урал.

До настоящего времени целый ряд проблем, связанных с детской беспризорностью 1920-х годов остается неизученным. Автор данной статьи попытался частично восполнить этот пробел и на основе анализа документальных материалов исследовать масштабы

беспризорности, ее причины и последствия на территории Уральского региона.

С начала первой мировой войны и до начала второй мировой войны (1914 – 1941) на Урал непрерывно прибывали беспризорные дети. В этом продолжительном отрезке времени автором было выделено три основных этапа из движения. Основой для них послужили причины появления беспризорников. На первом этапе (1919 – 1925 годы) это были последствия войн и голода 1921/1922 годов, на втором (1926 – 1930 годы, период плановых переселений на территорию Уральской области) – так называемая «безнадзорность». На третьем этапе (1931 – 1939\41 годы) основным источником пополнения рядов беспризорных стали дети спецпереселенцев. В количественном соотношении наиболее массовым стал первый этап. Количество детей к 1925 году достигло 39 тыс. человек, большинство из которых было размещено в детских домах Уральской области. В последующие годы их количество постепенно сокращалось.

В настоящей статье рассмотрен первый этап, охватывающий 1919 – 1925 годы и представляющий значительный интерес вследствие слабой изученности данной проблемы. В тексте использованы материалы Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Фонд р-17 (отдел народного образования исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, ГубОНО) за 1919 – 1923 годы, фонд р-233 (отдел народного образования исполнительного комитета Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, УралОНО) за 1920 – 1932 годы.

В первой половине 1920-х годов на территории Уральского региона беспризорность приняла массовый характер. Параллельно с волнами беженцев на Урал по железной дороге прибывали дети, которые концентрировались и оседали в крупных городах и на узловых станциях. Наиболее массово беспризорники прибывали на территорию Урала в период голода 1921 – 1922 годов (до 15 тыс. человек), после этого их количество возрастало постепенно. И к 1 сентября 1925 года достигло 39 тыс. человек (1).

На первом месте по количеству беспризорных детей стоял (традиционно) Свердловский округ, через который проходила железная дорога, служившая средством передвижения данной категории мигрантов. На его долю приходилось 16,8 % беспризорников (6522 чел.) (по данным на 1 сентября 1925 года).

Далее по убывающей шли Челябинский (10,3 %, 3976 чел.), Пермский (10,1%, 3928 чел.), Сарапульский (9,2 %, 3584 чел.), Шадринский (9,2 %, 3568 чел.) и Кунгурский (7,4 %, 2861 чел.) округа. Меньше всего беспризорников скопилось на территории Тобольского округа (1,9 % от общего числа по Уральской области, 734 чел.) (2).

Исследуя причины возникновения массовой беспризорности как социально опасного явления, Екатеринбургский губернский отдел народного образования (ГубОНО) писал: «Развитие капитализма в России в последние годы перед империалистической войной 1914 года вызвало обнищание бедняцкого слоя деревни и выкинуло в город много крестьян, голытьбы в поисках работы… и вызвало увеличение подкидышей – наших теперешних беспризорников. С другой стороны, развившаяся в 1914 году империалистическая война вырвала из рабочих и крестьянских семей их кормильцев, разоряя пролетарские семьи, и выбросила на улицу новые партии беспризорных. С переходом империалистической войны в гражданскую – явились новые бедствия для населения, особенно в местностях, подвергшихся наступлению и захвату белыми бандами. Болезни, голодовки, разорения, расстрелы пошатнули и во многих случаях и совершенно уничтожили семьи рабочих и крестьян, бросив их детей на произвол судьбы» (3).

Данных о возрасте, социальном положении, месте рождения, физическом состоянии, стаже беспризорности и т.д. не имелось. Поэтому первостепенной задачей отделов образования стало проведение учета и изучения детей, поступающих в детские учреждения.

Для этого при поступлении беспризорника в детский дом производилась запись в книге регистрации. Если ребенок не мог сообщить о себе никаких сведений (по причине малого возраста), их регистрация проводилась в особой книге рождений с пометкой о том, что запись произведена вторично. Возраст их устанавливался врачом, а фамилия, имя, отчество давались учреждениями или лицами, на воспитании которых находился ребенок (4). Остальные дети принимались в общем порядке. На каждого ребенка заполнялся специальный опросный лист, в который записывались основные сведения о нем, его характеристики, содержавший двадцать вопросов: фамилия, имя, отчество; возраст; у кого ребенок живет (у родителей, у родственников, у чужих); из скольких лиц состоит семья родителей; кто жив из родителей; когда умерли и от чего; занятия родителей или

родственников, семьи, у которой живет ребенок; сколько нетрудоспособных членов семьи; материальное положение семьи; где ребенок живет; какое помещение занимает семья (комната, каморка, койка, полуподвал, подвал); нет ли родных в деревне, в какой; число людей в одной комнате, приблизительная кубатура; грамотен ли, посещал ли школу, если бросил, почему; обучался ли какому-либо ремеслу; не имел ли самостоятельного заработка; если имел, то в какой отрасли производства; с какого возраста работает; какие болезни перенес ребенок (5). Данные формы позволяли в какой-то мере определить социальный состав беспризорников.

Было установлено, что среди беспризорных детей преобладают мальчики в возрасте от 8 до 16 лет. Этот факт можно подтвердить материалами отчета Красноуфимского УОНО (1922 год) (на момент обследования мальчики составляли 60,9 % от общего числа воспитанников). Среди них преобладали подростки в возрасте от 8 до 16 лет (72,2%). Девочек было значительно меньше, причем преобладала та же возрастная категория (66,1%). Подобная ситуация была и в других уездах Екатеринбургской губернии. В Нижнетагильском уезде по сведениям от 15 ноября 1921 г. в детских учреждениях состояло 483 чел. в возрасте от 3 до 8 лет (40,9%) и 697 чел. в возрасте от 8 до 16 лет (59,1%) (всего 1180 чел.) (6). В детских домах Надеждинского уезда на 7 декабря 1921 года состояло 86 детей в возрасте от 3 до 7 лет (28,6%) и 215 детей в возрасте от 7 до 12 лет (71,4%) (7).

По проведенному в 1922 г. обследованию 240 детей, находившихся в Линпункте Екатеринбургского эвакуационного отдела, 72,5 % беспризорников не имели родителей, 21,7% - жива мать, 2,9% - жив отец, 2,9 % - оба родителя (8).

В социально-педагогическом плане беспризорные были очень сложной категорией детей. Благодаря изъятиям и проводящейся регистрации в 1925 году ОНО выделил две группы беспризорных детей по степени их социальной запущенности. По отношению к первой группе являлось достаточным их устройство в те или иные детские учреждения, где они в сравнительно скором времени втягивались в общий уклад жизни. Задача по отношению к данной группе сводилась лишь к выявлению ресурсов на содержание новых детдомов или расширение существующих. Вторая группа численно меньшая (до 30% общего числа беспризорных) в отношении воспитания представляла значительную трудность. Это были дети,

бегущие из детских учреждений. Почти все они являлись правонарушителями. Для воспитания этой группы детей требовались специальные методы и условия, исключающие возможность побега (детские колонии).

Для борьбы с детской беспризорностью советское государство перед всеми ГубОНО поставило задачу в кратчайшие сроки ликвидировать данное социальное явление путем размещения детей в специально оборудованных детских учреждениях либо передачи в патронат. В резолюции Народного комиссариата по просвещению за 1921 год отмечалось, что: «Охрана детства в условиях восстановительного периода должна идти исключительно под знаком борьбы с массовой беспризорностью и безнадзорностью» (9).

Сеть детских домов на территории Уральского региона была существенно расширена, к лету 1924 года в детских домах Уральской области находилось 26 тыс. человек (10), а к лету 1925 года – 28,5 тыс. (11). Общая численность беспризорников к этому моменту достигала 38784 чел.

Патронаты (передача ребенка в частную семью на воспитание, без усыновления) были организованы в начале 1922 г. В отчете ОНО за март 1922 г. отмечалось, что «частный патронат, допускаемый как временная мера, мог бы в значительной мере облегчить дело обеспечения сирот и беспризорных детей и подростков, в том числе эвакуированных из голодных губерний» (12).

Дети передавались в семьи без материального содержания, предполагалось, что расходы по содержанию, несомненно, окупятся той помощью, которую дети окажут в труде. Постепенно правила содержания детей в патронатах ужесточались, что было связано с большим количеством злоупотреблений приемными родителями. Так, в марте 1925 г. вышло обязательное постановление УралОблИКа, содержащее новые правила патроната. Во-первых, патронат признавался временной мерой, во-вторых, в частные семьи могли быть размещены дети и подростки в возрасте до 18 лет, причем, при размещении детей старше 14 лет было необходимо согласие последних. В тех случаях, когда родители или ближайшие родственники детей были живы, их было необходимо поставить в известность. Несовершеннолетние могли быть размещены лишь в трудовые семьи, «не зараженные социальными болезнями» и могущие дать ребенку трудовую подготовку к практической жизни и образование в объеме не ниже школы первой ступени. В-третьих, в

целях защиты прав и интересов патронируемого ребенка, последнему назначался опекун. Если лицо, взявшее на воспитание ребенка (патрон) удовлетворяло требованиям, установленным для опекуна, и желало принять на себя все обязанности, лежащие на опекуне, оно могла быть назначено опекуном (13).

Однако, несмотря на принимаемые меры, к 1925 г. детские дома Урала были переполнены и находились в критическом положении. Постоянный приток новых масс беспризорных детей не позволил решить эту проблему в короткие сроки. Требовалось большое количество времени, денег и хороших опытных педагогов. Необходимо было привлечение общественности к делу борьбы с беспризорностью, что наиболее ярко проявилось на следующем, втором этапе в 1926 – 1930-е годы.

К 1925 г., году начала плановых переселений на территорию Уральской области, изжить беспризорность полностью не удалось. Поставленной цели НК Просвещения так и не достиг. В докладной записке УралОНО за сентябрь 1925 года отмечалось, что «общее число беспризорных детей, находящихся в детских домах Уральской области на 1 сентября 1925 г. составляет 28486 человек. Сюда не вошли беспризорные дети «неорганизованные», т.е. не охваченные какой-либо работой – около 10 – 10,5 тыс. человек» (14).

---

1. ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 391. Л.794.
2. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 127. Л. 70.
3. ГАСО. Ф. р-163. Оп.1. Д. 24. Л. 10.
4. ГАСО. Ф. р- 1568. Оп.1. Д.20. Л.11.
5. ГАСО. Ф. р- 17. Оп.1. Д.391. Л.762.
6. Там же. Л.92.
7. Там же. Л.106.
8. Там же. Л. 169 – 176.
9. ГАСО. Ф. р- 233. Оп. 1. Д. 1378. Л. 92.
10. Там же. Д. 132. Л. 238
11. Там же. Д. 127. Л. 70.
12. ГАСО. Ф. р- 17. Оп.1. Д.127. Л.273.
13. Там же. Л.272.
14. ГАСО. Ф. р-233. Оп.1. Д.217. Л.794.

Попп И.А.
(Екатеринбург)